

КНИГА,
ЗАПРЕЩЕННАЯ
НА УКРАИНЕ

АЛЕКСАНДР

ПРОДАНО
9 000 000
КНИГ

ТАМОНИКОВ

ДОНБАСС

НЕНОРМАЛЬНАЯ ВОЙНА

ВЕРНУТЬ ЛЮБОЙ ЦЕНОЙ!

Донбасс

Александр Тамоников
Ненормальная война

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тамоников А. А.

Ненормальная война / А. А. Тамоников — «Эксмо»,
2016 — (Донбасс)

Служба безопасности Украины отправляет диверсионную группу в Донецк. Их задача – взять «языка». Командир бригады донецкого ополчения майор Борисов, к несчастью повредивший ногу, был взят диверсантами в плен и молниеносно переправлен на территорию, подконтрольную СБУ. Донецкие разведчики сразу же кинулись на поиски офицера, но потеряли его следы. Майор словно под землю провалился! Был тщательно изучен весь район, где мог находиться в плену Борисов, но ничего похожего на тюрьму или концлагерь не обнаружено. Вот только затерявшаяся в полях психиатрическая лечебница, которую в СБУ почему-то называют «Объектом Хоспис», вызывает подозрение...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Тамоников А. А., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	20
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Александр Тамоников

Ненормальная война

Все изложенное в книге является плодом авторского воображения.

Всякие совпадения случайны и непреднамеренны.

А. Тамоников

© Тамоников А., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2016

Глава 1

На клок примятого сена прыгнул кузнечик, крупный экземпляр с неправильными коленками и выпуклым узором на крыльях. Он поводил рогами-антеннами и бурым глазом уставился на спецназовца, залегшего рядом с ним.

Капитан Соколовский не любил всю эту летающую, ползающую, жужжащую, стрекочущую мелочь и с трудом подавил желание прихлопнуть его или засушить, а потом отдать кому-то из китайцев, чтобы не пропадало добро.

В первой роте недавно появились двое. Бойцы в шоке, смотрят на них как на инопланетян, перешептываются. Мол, правда, что из Поднебесной? Не напутали ли чего эти ребята?

Тут Павел шевельнулся, и кузнечик моментально дал деру.

Под загородкой занимались своими делами муравьи. Павел вспомнил, как в детстве слюнявил палочки, опускал их в муравейник, а потом тщательно облизывал. Детство рядом, никуда не делось, но никакого умиления от этих воспоминаний почему-то не приходило.

Павел подполз к загородке, осмотрелся. Сеновал невысокий, метра полтора, можно не прыгать, просто скатиться.

Жаркий августовский день был в разгаре. В лесу перекликались птицы, в пахучей траве однозвучно стрекотали всякие прямокрылые и длинноусые. По небу плыли прозрачные облачка самых разных очертаний.

Сеновал на окраине хутора выходил на запад, к быстрой речушке, глубина которой в этом месте едва ли превышала полметра. Кое-где над ней нависали обрывы, в других местах они сглаживались. На северо-запад в гору взбиралась грунтовая дорога, основательно заросшая курослепом, и пропадала в лесу. К юго-западу от речушки простиралось поле, испещренное рытвинами, – двести метров разомкнутого пространства. За лесом начиналась чаща.

Сам хутор был заброшен, здесь никто не жил, дорога к нему была не лучше упомянутой. Строения рассыпались, упавший забор зарос бурьяном.

За спиной капитана находилось село Покровское, но и там с населением было туго. Разве что несколько древних бабушек, которым некуда было бежать от войны.

Павел сполз, залег за замшелой телегой, из которой живописно, словно слоновый бивень, торчала оглобля. Отсюда обзор был гораздо лучше. Мешковатый комбинезон защитного цвета скрывал поджарую фигуру, маскировочный грим – скуластое высоколобое лицо со смешливыми прозрачно-серыми глазами.

Капитану Соколовскому недавно стукнуло тридцать три. Выпускник Новосибирского командного училища восемь лет отслужил в спецназе, из них два года на Северном Кавказе, в составе отдельной бригады. Командовал взводом, ротой.

Два года назад переломилось что-то в мировоззрении, встретилась единственная и неповторимая. Он ушел со службы, вернулся в родную Сибирь. Счастье выдалось недолгим. У этой самой единственной был изрядный список обманутых «дольщиков».

Работа инструктором по восточным единоборствам в местном клубе «Динамо» не стала тем местом, где Павел мог найти себя.

Да и с квартирой, которую он считал своей, после смерти родителей тоже стали происходить чудеса. Вдруг выяснилось, что она отходит по закладным банку. В суде равнодушно пожали плечами. Мол, все законно, ваш покойный папочка просто не на тех поставил.

Бывалый спецназовец, отдавший восемь лет на благо отчизны, оказался за бортом жизни.

Но злость копилась недолго. Грянул киевский Майдан, пламя перекинулось на Донбасс. В начале так называемой АТО погиб лучший друг, бывший однополчанин. Автоматная очередь ударила по группе плохо вооруженных ополченцев, вставших на защиту маленького шахтерского городка.

Потом пришло известие, что под бомбежкой погибла тетя Галя, сестра матери, последняя близкая родственница. Поехал хоронить и обратно в Сибирь уже не вернулся. Ангелом не был, но несправедливость происходящего сильно ударила по мозгам.

Группа рассредоточилась, народ терпеливо ждал. Все парни из отряда были местными. Он отбирал лучших, не понаслышке знающих, что такое работа спецназа.

Мрачно-ироничный снайпер-ликвидатор Серега Корвич – сгусток жил, ни капли жира, весь темно-коричневый, словно кусок пережженного сахара, – лежал в двух шагах, на краю silosной ямы и посматривал на командира через плечо.

Сзади шевелился приданный группе связист Евгений Шумский, интеллигент в пятом колене, обладатель миниатюрной окладистой бородки и малогабаритной станции спутниковой связи «Барьер-Т» – незаменимого устройства для подразделения, действующего в отрыве от основных сил. Эта штука позволяла приватно осуществлять любой вид связи: голосовой, текстовый, цифровой. Она весила 15 килограммов, но Шумский не был слабаком, таскал, не жаловался. По инструкции станцию всегда полагалось иметь с собой, но если она вдруг осталась в машине, то Соколовский закрывал на это глаза.

Шумский чертыхнулся, отпихнул от себя рюкзак с надоевшей станцией. Глубокая интеллигентность не помешала непечатному словечку выскочить из его уст.

– Пятьдесят рублей, Евгений Львович, ложите на бочку! – обрадовался Корвич.

Шумский сплюнул и промолчал. Сам позавчера в казарме митинговал громче всех. Мол, товарищи бойцы доблестного спецназа, на вашу матерщину можно топор вешать! Мы же порядочные, воспитанные люди! С текущего дня вводится правило: каждый ругнувшийся бросает в общак пятьдесят рублей. Можно гривнами, долларами, евро. Когда-нибудь в свободный день эти денежные средства пойдут на вечеринку, посвященную победившим нормам приличия. Там и будем материться вволю.

Это было что-то новенькое. Все согласились и только потом сообразили, в какую западню себя загнали.

Капитан не возражал. Почему бы не расширить свой дипломатический лексикон?

– Ладно, подловил, змей, – проворчал Шумский и не преминул поддеть Корвича: – Но я не понял, Серега, мы все-таки кладем или ложим?

Наметилась перебранка, но ее прервал треск в эфире.

Соколовский поправил наушник, постучал по микрофону. Связь в отряде была одна на всех. Каждый боец мог слышать любого, если не отдалялся на расстояние больше километра.

– Сокол, это Тимон, – забубнил в эфире Василий Вдовенко. – Мы с Пумбой сидим на дороге. Пока все тихо. Пумба спит...

– Сам ты спишь, – возмущенно заворчал второй боец дозора Анатолий Грубов. – Только что хвастался, что прекраснее этого сна ничего не видел.

– Да я вообще мало чего видел в жизни, – парировал Вдовенко. – Это была быстрая фаза сна. Она не помешала работе. Не обращай внимания, командир, развлекаемся, скучно здесь. Ты сказал, что по этой дороге пойдет важная персона, но пока даже грибник завалящий не проходил. Ты бы хоть приметы описал. Кого встречаем-то?

– Ждать! – приказал Павел. – Замаскироваться и не роптать. Я сам не знаю, кто пойдет. Важный чиновник в бегах. Ему никто не запретит быть похожим на грибника. Если кого увидите, пропустить и доложить.

– Понял, командир, – буркнул Вдовенко. – Но пасаран. Они не пройдут.

– Акуна матата, – поддержал его Грубов. – Отключайся уже, Тимон.

Павел вздохнул. Детский сад на колесиках. Опытные бойцы, у каждого на счету десятки трудных операций, а ведут себя как дети. Надо же так вжиться в роль мультяшных персонажей. Впрочем, их детство совпало с девяностыми, когда был популярен мультсериал о смешных похождениях суриката Тимона и кабана Пумбы.

Павел невольно задумался: показывали сериал на Украине или эти два чудика видели его в записи? Он не помнил.

Парни действительно напоминали мультяшных персонажей. Вертлявый худой Вдовенко, чаще всего бесшабашно веселый, искрящийся юмором, иногда быстро уходил в ступор, из которого весь коллектив не мог его вытащить. Грубов добродушный, немного грузный, что никак не отражалось на качестве заданий, выполняемых им.

Судьба у обоих была безрадостная. Вместе учились, дружили, служили в украинской армии, когда она еще не была такой агрессивной и напичканной нацистами.

Вдовенко потерял красавицу-сестру. Каратели из «Айдара» насильовали ее всем взводом, прежде чем отрезать голову, а самый отмороженный из них выложил запись в Сеть. Вдовенко отыскал его в селе, где стоял «Айдар», обманом выманил из караулки и в лесу искромсал на кусочки. Потом он сделал связку из нескольких гранат, взорвал караулку вместе с теми негодяями, которые там находились, а наутро с чувством выполненного долга пошел записываться в ополчение.

Грубов отсидел полтора месяца в застенках СБУ. Его замели в мае четырнадцатого года, когда он вел вполне добропорядочную гражданскую жизнь. Спутали с другим, приняли за «террориста». Побоям не было конца, изуверы просто наслаждались, при этом почти не кормили. Терпения хватило на неделю. Грубов выдержал бы и две, но проголодался. Вместе с ним из изолятора СБУ, расположенного в маленьком городке, бежали еще двое.

– Винни, Винни!.. – пробормотал в переговорное устройство Павел. – Доложить обстановку!

– Все спокойно, командир, – отозвался Яша Винничук. – Дорога на Гаранино свободна, посторонние лица не отмечены. Аладдин на опушке, бдит во все концы.

– Тихо здесь, – проворчал старший лейтенант запаса Рустам Боев с позывным «Аладдин». – Вижу все, даже ваш хутор. Тебя и Корвича не наблюдаю, а Женька Доцент опять ворочается, все никак угнездиться не может.

– Да врет он, товарищ капитан, не может меня видеть, издевается просто! – возмущенно пропыхтел связист Шумский.

Его голос одновременно звучал в эфире и за спиной командира. Это было забавно.

К позывному «Доцент» связиста приговорили единогласно, даже не спрашивая согласия, чтобы не умничал, когда не надо.

– Не туда смотришь, Рустам! – с упреком проговорил Павел. – Развернись на сто восемьдесят и зри в корень. Что-то мне подсказывает, что начальство темнит и в деле будут осложнения. В случае опасности в бой не ввязываться, отходить к хутору. Всем ясно?

Народ вразной забубнил «так точно». Даже Корвич подал голос, хотя лежал рядом и мог бы помалкивать.

В своих бойцах Павел не сомневался, знал, что будут зреть куда следует. А смешки и ерничанье делу не помеха.

Полтора часа назад капитана Соколовского срочно вызвали в штаб армейской группировки ДНР, расположенной в городке Захаровске, в шестидесяти километрах от Донецка. Задачу ставил начальник разведки группировки майор Бакатин Артур Вениаминович.

Мол, срочно, капитан, руки в ноги, думать после будем! Из Киева бежит высокопоставленный чиновник МИДа по фамилии Омельченко, завербованный полгода назад нашей разведкой. Этот чиновник – кладезь секретной информации, ходячее собрание государственных тайн!

СБУ раскрыла его в рядах свидомых мидовцев, кующих демократический престиж государства на международной арене, но в момент захвата допустила осечку, и чиновнику удалось уйти из Киева. Он бежит уже день на перекладных. Сбрасывает с хвоста СБУ и военных, приближается к линии разграничения.

Погоня следует по пятам. Ее ведут бойцы добровольческого батальона «Киев-2». Они затыкают все лазейки, где может пройти Омельченко.

Местность безлюдная, лесистая, почти все села заброшены. Линия разграничения похожа на извилистую змею, рассекающую ландшафт без всякой логики и смысла.

У беглеца есть карта, да сам он из этих краев, поэтому не все потеряно. По телефону с севшим аккумулятором он достучался до кураторов, сообщил свои координаты, сказал, что чуть не вписался в облаву, через два часа постарается выйти к западной окраине Покровского по дороге, которая с севера упирается в хутор.

Другие пути отрезаны. Каратели могут перекрыть и этот. Они рыщут по полям и лесам, блокируют проход к линии соприкосновения, до которой от Покровского чуть менее двадцати верст.

Сигнал от кураторов в зашифрованном виде полетел в Донецк, оттуда – в Захаровск. Дескать, действуйте, вы ближе всех к этой точке. Срочно группу спецназа на перехват! Не так уж близко, шестьдесят верст на юго-запад, хотя грунтовая дорога, в принципе, не очень разбита.

Разведывательная группа отдельной роты спецназа, подчиненная напрямую командующему группировкой полковнику Суслову, выехала через восемь минут. Семиместный «Ниссан» мчался, не разбирая дороги. За километр от линии раздела он ушел с грунтовки, просочился заболоченной низиной мимо постов, вышел в тыл врага. Бойцы не брезговали украинской символикой, но в этот день обошлось без радостных встреч. В Покровском и вокруг него силовиков не было.

Беглый чиновник еще не добрался сюда.

Чутье подсказывало капитану, что центр событий непременно сместится в эту точку. Он лихорадочно обследовал местность, отправлял бойцов на дальние позиции. Вдовенко и Грубов двинулись на север и оседлали лесную дорогу. Боев и Винничук залегли на опушке за рекой и дорогой, петляющей по полю.

Юго-западное направление представлялось командиру крайне опасным. Оттуда в любую минуту могли появиться силовики.

Сам Соколовский, Корвич и Шумский устроились на западной окраине хутора и держали под наблюдением все стороны света.

Бакатин выслушал доклад о выходе группы в заданный район и не сдержал облегченного вздоха.

– Все, мужики, вцепитесь в хутор зубами, сидите тихо, как настоящие кроты, и постарайтесь не сделать ваши должности вакантными, – заявил он.

– Командир, гудит что-то, – приглушенно проговорил Боев. – Слышу звук моторов. Это бронетехника, идет с юго-запада по проселочной дороге.

– Причем не в единичном экземпляре, – поддержал напарника Яша Винничук. – Боюсь, укропы собираются отрезать хутор, зажать в кольцо этого попрыгунчика, а заодно и нас. Плохо, что дорога здесь разветвляется. Одна идет напрямую через поле, другая петляет к мостику через переплюйку, а потом на Покровское. По какой они двинутся, хрен их знает. Мы сообщим, командир, как только проедут.

– Может, это тракторы? – Боев ухмыльнулся. – Или еще какая сельскохозяйственная техника? Хорошо хоть, что едут, не скрываясь.

– Да, на тракторе тихо к дому не подъедешь, – рассудительно заметил Яков.

– Всем приготовиться! – скомандовал в микрофон Павел.

Он тоже различал отдаленное гудение. Явно не тракторы. Неужели укропы поумнели? Они перехватили сообщение агента и блокируют квадрат, где он может появиться? Естественно, противник понимает, что разведгруппа ополчения уже здесь, оттого и бряцает оружием.

– Тимон, Пумба, ничего нового? – бросил он в микрофон.

– Все по-старому, командир, – отозвался Вдовенко. – А у вас, кажется, вечеринка намечается?

– Скорее утренник, – с усмешкой сказал Павел. – Сидите на месте, мужики, ждите клиента. Из леса выходить только по моей команде.

– Поняли, – буркнул Грубов.

Звук моторов нарастал. Птицы взмывали с деревьев, уносились в небо. Закружилась, противно каркая, стая недовольных ворон.

Завозился Корвич, подтащил к себе гранатомет РПГ-7, переданный ему «на хранение» Боевым, переглянулся с Павлом. Капитан кивнул.

Шумский оставил в покое свою станцию и начал перекачиваться к дороге, петляющей перед речкой.

Моторы гудели неподалеку. Теперь этот звук был ровным, не нарастал, не удалялся. Похоже, техника остановилась на опушке за полем. С этих позиций она не просматривалась.

«Горючку зазря жгут, – подумал Павел. – Ну и пусть. Похоже, укрупы рассредоточились в том месте, где залегли Боев с Яковым».

За парней он не переживал, знал, что выдержки у них хватит за десятерых, не шелохнутся, даже если им ноги оттопчут. Противник не заметит ребят. Они так маскируются, что хамелеоны сдохнут от зависти.

– Командир, это «Саксоны», – возбужденно прошептал Винничук. – Три единицы и десятка три пехоты, взвод. На рукавах нашивки «Киев-2», и рожи кирпича просят. Здоровые злые мужики, не юнцы мобилизованные, экипированы с умом. Рядом с нами встали, на опушке, в поле не выходят. Два «Саксона» съехали с дороги, стоят в кустах на краю леса, нацелены в вашу сторону. Мы можем по ним пальнуть, но что это даст?

– Никакого движения! – распорядился Павел. – Лежать, наблюдать, докладывать обо всех перемещениях!

– Вот черт! – ругнулся Винничук. – Это по поводу перемещений, командир. Третий броневик отправился дальше, без пехоты. Это разведчик. Прошел развилку, направляется к мостику. Вы его сейчас не видите. А если он пойдет под обрывом, то вы его и дальше не заметите.

Значит, «Саксон» отправился на разведку, выявить позиции ополченцев. Павел от злости закрипел зубами. Надо отходить. Но как? Задание не выполнено.

Если откатываться к Покровскому, где в одном из дворов припрятан джип, то оголится дорога на север, а там Вдовенко с Грубовым ждут важного чиновника из МИДа. Да какого черта! Они там сидят, а дядечка наверняка пошел другим путем, дрожит от страха где-нибудь в овраге. Ему плевать, что из-за него сейчас погибнет целая куча ополченцев!

– Тимон, Пумба, что у вас?

– Командир, прости, рады бы обрадовать, но нечем, – виноватым голосом отозвался Вдовенко. – Нет никого, хоть тресни. Что делать, командир?

– Снять штаны и бегать, – огрызнулся капитан и не сдержался, витиевато выругался на языке родных осин.

Корвич восторженно, с интересом посмотрел на командира. Мол, ага, запишем, будет платить, как и все прочие.

– Что-то идет не так, – с убийственным простодушием сообщил Грубов.

– А что именно, мы узнаем после смерти, – мрачновато закончил Вдовенко.

Броневику подкрался незаметно, как и предсказывал Винничук! Мостик, ведущий в Покровское и расположенный где-то слева, загораживал пологий холм. Броневику не поехал в село, отправился берегом, между водой и обрывом. Водитель, очевидно, включил повышенную передачу, чтобы движок не ревел как раненый мастодонт.

Обрыв сглаживался метрах в сорока слева от залегших ополченцев. Вдруг из ниоткуда на него взгромоздилось корявое стальное чудище мышино цвета! Броневи́к переваливался с боку на бок, подпрыгивал, чадил выхлопом. Передняя часть «Саксона» напоминала голову того самого кузнечика – высокая посадка, выпуклый глаз. Под окном механика-водителя белел бортовой номер, загадочные буквы ISAF и почему-то флаг Британского Содружества, отпечатанный на броне.

Приданием элегантности своему детищу проектировщики не заморачивались. Боевая машина была откровенной уродиной. Такую технику британцы списали еще в девяностые и теперь охотно гнали ее на Украину, что, видимо, было дешевле утилизации.

Но рождение левиафана на фоне мирной пасторали оказалось впечатляющим! Бронетранспортер рычал, рывками продвигался к дороге. Вращался крупнокалиберный пулемет, установленный в приземистой башне. Распахнулся люк, вылупилась физиономия стрелка с горящими глазами. Засекли!

Павел откатился с позиции, волоча за собой охапку прелой соломы. Интеллигент Шумский ругался как портовый грузчик, на тысячу «деревянных» точно наговорил!

И в этот миг вражеский бронетранспортер прекрасным образом подставился. Водитель увлекся маневрами, пережал рулевое управление, и машина встала боком.

Корвич не устоял перед таким соблазном, рывком взлетел на колено. РПГ-7, готовый к бою, уже покоился на его плече. Реактивная граната с бронепробиваемостью до 750 миллиметров проломила стальную обшивку в районе топливного бака. Машину окутало прогорклым дымом, она зачатила как куча покрывшек, подожженных на Майдане.

Корвич засвистел, как будто его команда забила долгожданный гол, заорал надорванно:

– Что, суки, получили на недобрую память! Сейчас огребете по полной все мое тепло и нежность! – Он отбросил гранатомет и передернул затвор автомата.

Открыли огонь все втроем. Град пуль ударил по броне. Снова распахнулась крышка люка, оттуда вылетела граната. Она взорвалась с безопасным недолетом, раскидала дерн и взметнула пыль.

Ополченцам пришлось убрать носы, спрятать на короткое время автоматы.

Экипажу этого хватило. Он покинул горящую машину. Люди в дымящихся комбинезонах вываливались из люка, скатывались по броне и неслись к обрыву как тараканы. Дымовая завеса помогала им. Но у спецназовцев и не было особого желания стрелять в бегущих. Все трое уходили без оружия.

– Пацаны, тикаем! – истошно вопил бравый механик-водитель, сбрасывая шлем и прыгая с разбегу в воду.

Ополченцы смеялись. Вода в реке была по колено. Члены экипажа орали от боли, обраская синяками и ссадинами. Один чуть не умудрился захлебнуться. Товарищ схватил его за шиворот, толкнул вперед.

Ополченцы покинули укрытия, подобрались ближе к чадящему бронетранспортеру, залегли на обрыве.

Трое незадачливых бойцов уже переправились через речку и карабкались на глинистый обрыв. Их лица были искажены от страха. Ноги срывались, они катились обратно, что-то пронзительно крича.

– Молодцы, пацаны, убежать уже умеете! – веселился Шумский. – Еще годик-другой, и воевать научитесь!

– Скалки не забыли? – заорал Корвич, всунул в рот два пальца и молодецки свистнул. – Ляхи и лохи, блин, бандера тупорылая!

– Сами козлы, ватники драные! – провизжал кто-то на том берегу. – Всех перережем! Мы еще вернемся, чекайте нас!

Всем троим удалось забраться на обрыв. Они ползли по траве к опушке, отклячив задницы в мешковатых штанах.

– Ждем, приходите! – веселился Шумский. – Прикиньте, мужики, мы их пощадили, хотя могли положить, так они еще и угрожают!

Корвич подполз к догорающему броневiku, перебежал за стальную машину, с интересом осмотрел пулемет, вывороченный с мясом, заглянул в окно механика.

– Мы в Ирландии, мужики! – веселился Шумский. – Подрываем британские бронетранспортеры! Серега, ты что там ищешь? Инструкцию по применению?

– Да ну его, старье, – отмахнулся Корвич. – Этому уродцу сто лет в обед, он и так на ладан дышал.

«Не к добру веселимся, – подумал капитан. – Сейчас начнется».

– Все на хутор! – крикнул Павел. – Мужики, не маячьте там! Приготовиться к бою!

И ведь вовремя почувствовал! Люди поняли, что пахло жареным, бросились, пригибаясь, на хутор.

С опушки прозвучали две очереди. Одна подняла красочные фонтаны на реке, вторая идеально метко прошла по уже подбитому БТР. Многострадальная машина снова задымилась.

Спецназовцы откатились на хуторской двор, под защиту поленницы с покосившимися подпорками и добротной собачьей будки. Быстрая реакция пошла на пользу.

Ополченцы не успели спрятаться, как из леса ударил шквал пулеметного огня. Пули крошили сеновал, свистели по двору, выбивали из дровяника замшелые поленья.

– Твою мать! – прохрипел Корвич, распластавшийся на земле. – В таких условиях невозможно работать. Что делать, командир?

– Только терпеть. Запас пулеметных лент у врага не безграничен.

Капитан уже сориентировался, отдавал команды.

Шумский, волоча за собой спутниковую станцию, отползал за угол избы. Корвич перекатылся на другой конец двора. Павел заполз под основание сеновала и пробивал дорогу на обратную сторону через высохшую грязь.

Шквал огня начал стихать и вскоре вовсе прекратился. Из леса на другой стороне реки выползли два бронетранспортера. Наводчики-операторы разворачивали пулеметы на хутор. Из леса выбегали пехотинцы в касках и защитном одеянии, стреляли на бегу. Кто-то залегал, другие прятались за броню. Транспортеры ползли через кочки. Нервно переключались солдаты, за их спинами что-то горланил офицер.

– Мужики, не стрелять! – выкрикнул Павел.

– Совсем не стрелять? – удивился Корвич. – Ждать с нетерпением, когда они придут, и сдать на милость?..

Он не договорил. С бронетранспортеров одновременно выстрелили оба пулемета. Наводчики не видели целей. Одна очередь порвала поленницу, где уже никого не осталось, другая пробила канавку в дороге, раскидала клочья чертополоха.

– Не стрелять! – повторил приказ Павел. – Они бьют наугад, нас не видят! А будем отвечать – отследят по вспышкам! Тогда за нашу жизнь не поручится даже самый отъявленный оптимист.

– Правильно, – сказал Шумский. – Что главное в жизни, мужики? – И сам же ответил: – Не усложнять ее.

Это был тяжелый момент. Вражеское войско шло в атаку и уже преодолело половину поля. Наводчики палили наобум.

Павел сдерживался, твердил себе: «Нельзя! Винничук с Боевым, оставшиеся в тылу врага, не могут не принять мер. У них прекрасная позиция!»

Так оно и вышло. В спину атакующим из леса ударили автоматные очереди. Прогрели два взрыва. Ополченцы бросили гранаты. Они разорвались с недолетом, но устроили качественный переполох. Пехота заметалась, падали подстреленные.

Из леса доносились истошные вопли. Два бойца отвлекали внимание укропов на себя, перебежали от дерева к дереву, лупили из автоматов.

Атака прервалась, украинские военные пребывали в замешательстве. Ругался подстреленный офицер. Броневики затормозили, стали неуклюже разворачиваться.

Ополченцы снова бросили гранаты. Бесились яркие вспышки, расплзался дым. Одна из гранат взорвалась рядом с «Саксоном». Слабенькая, наступательная, она не могла причинить машине вреда, но, видимо, осколки попали в окно. Машина накренилась, утонула в борозде.

Уцелевшие пехотинцы разбежались по полю, залегали, огрызались огнем. Второй броне-вик выстрелил из пулемета. Очередь ушла в лес.

– А вот теперь огонь, парни! – злорадно выкрикнул Павел.

Хутор ошетинился раскаленным свинцом. Били, не жалея боеприпасов, изводили магазин за магазином. Капитан ловил в перекрестье прицела перебегающие фигурки, обливал их короткими очередями.

Вот поднялся упитанный боец с перекошенным лицом, вознамерился прыгнуть в без-опасную борозду и повалился в нее с перебитыми ногами. Еще один энергично полз, выставив задницу как перископ. Он должен был осознать свою ошибку на собственной шкуре!

Пуля пробила мягкие ткани. Укроп завопил от боли, завертелся как танк, потерявший гусеницу.

Павел перекатился и стал выискивать новую мишень. Он не жалел этих солдат, бил на поражение. Это не та публика, которую насильно гребут в армию. Нашивки на рукаве «Киев-2» были для ополченцев как красные тряпки для быка.

Идейные, фанатичные, пропитанные ненавистью ко всем людям, живущим в Донбассе и в России. Типичные наци, свято верящие в собственное превосходство и ущербность всех прочих. Они рвутся не в нынешнюю Европу, а в ту, что была 80 лет назад. Для них важны те тамошние ценности, которые когда-то декларировал фюрер!

Ухнул гранатомет, заулюлюкал Серега Корвич. Кумулятивный заряд взорвался рядом с броневином.

В стане противника царил паника. Взвод добровольцев понес потери, был рассеян по полю. Оказавшись между двух огней, многие теряли ориентацию, искали укрытия, из которых даже не высывались. Самые отчаянные стреляли наобум, куда-то перебежали. Экипажи броне-виков были не способны к активным действиям. Подстреленный офицер получил второе ранение, возможно смертельное, и затих в траве.

«Неплохо, – мимоходом подумал Павел, меняя магазин. – Впятером утихомирили взвод».

Деморализованное войско копошилось в траве, броневики пятились к лесу. Заговорил пулемет на «Саксоне», принялся поливать свинцом опушку. Наступать в таких условиях было глупо. Уцелевшие силовики ползли за машинами. У многих не хватало терпения. Они поднимались, бежали под защиту кустов.

Ополченцы на хуторе прекратили стрелять. Глупо тратить последние патроны.

– Командир, мы живы, – прохрипел в переговорник Винничук. – Славно погуляли, да? Бежим с Рустом на вторую дорогу к мосту, обойдем, через пять минут будем у вас.

– Винни, вы молодцы, – отозвался Павел. – Второй атаки не будет, вы хорошо их потрепали. Больше в бой не вступать!

Долго ли еще сидеть, ждать у моря погоды?! Затишье носило временный характер. Сило-вики вкатывались в лес, поливая его свинцом. «Подлые террористы» не поставили их в извест-

ность о том, что уже ушли оттуда. На ногах осталось не больше дюжины бойцов. Все прочие были ранены или убиты.

Один из «Саксонов» окончательно вышел из строя, встал, не доехав до опушки. Члены экипажа прыгивали на землю, бежали к лесу. Второй заехал под защиту кустарника, начал разворачиваться.

– Вояки, мать их! – ругался где-то на задворках Шумский, воюя со своей спутниковой станцией. – Все такие крутые, грозные, молодцы против овцы! А только нарвутся на серьезных бойцов, так бегут, теряя штаны!

– И союзники у них не лучше, – поддакивал Корвич. – Сливают на Украину весь ненужный хлам – на тебе, боже, что нам негоже.

– Отходим на хутор, мужики! – распорядился Павел. – В атаку они больше не пойдут, но стрелять будут.

Из леса действительно начали постреливать, но спецназовцы уже перебежали на северную оконечность хутора, где теснились полуразваленные сараи.

– Товарищ капитан, мы ничего не пропустили? – настороженно поинтересовался в эфире Грубов. – Вы такой тарарам затеяли! Все целы?

– К черту тарарам! – взревел Павел. – Вы долго собираетесь там штаны просиживать?! Где объект?

– Мы их ведем, товарищ капитан, – влез в переговоры запыхавшийся Вдовенко. – Ей-богу! Перехватили на дороге минуту назад. Они слышали пальбу, хотели спрятаться, но мы их вытащили из канавы. Напуганы до смерти. Нам пришлось доходчиво объяснять, что мы и есть те самые мальчики по вызову, присланы, чтобы их встретить. Увы, рекомендательными письмами не обзавелись.

– Отлично! – вскричал Павел. – На хутор не заходить, обойти с севера. Мы вас встретим. А почему «они»? Этот парень не один?

– Он с женой бежит. – Грубов усмехнулся. – Не бросать же ее, право слово, врагам на съедение. Какая ни есть родная душа. Это точно они, командир, фамилия Омельченко.

– Ладно, потом разберемся. Гоните их вперед к чертовой матери.

Не прошло и полминуты, как на севере разгорелась отчаянная стрельба. Ополченцы, бежавшие к машине, повернули в другую сторону. Из южного леса гавкнул пулемет, очередь прошла по пригорку метрах в тридцати.

Все трое попадали на землю, ругались, выплевывая глину. Тут уж не до изысканных политесов!

– Командир, вы обалдели? – У Винничука срывалось дыхание. – Что опять у вас происходит?

– Винни, прибудете в Покровское – выводите машину! – проорал Павел. – Мы на горе! У Тимона с Пумбой проблемы!

Эти самые проблемы, судя по всему, были настоящими. Пальба разгоралась, автоматные очереди перекрывали друг друга.

– Командир, нас укропы нагнали! – крикнул Грубов. – По дороге бежим, а они в спину давай стрелять! Их человек восемь, пехота, вооружены АК-74. Запыхались, черти, сами не ожидали, что на нас выйдут. Васька остался прикрывать, а я тащу мужика с бабой.

– Понял. Поднажми!

Ополченцы, не сговариваясь, побежали по дороге в гору. Они находились на открытом пространстве! Снова тявкнул пулемет из дальнего леса – недолет. Споткнулся Шумский, но нет, все в порядке. Он бежал, обливаясь потом, и станцию свою тащил.

– Василий, ты жив?

– Командир, не отвлекай! – прорезался Вдовенко на фоне суматошной пальбы. – Я их держу, двоих положил, но они размножаются, обходят. Через пару минут готовьтесь меня прикрыть, если фигня какая-нибудь не случится.

Соколовский бросил беглый взгляд назад. Хутор как на ладони. Да и вся прилегающая местность, в которой не было ничего дружелюбного.

Дальний лес ошетинился огнем. Каратели выбегали оттуда, беспорядочно стреляли.

А на окраине Покровского уже мелькали Винничук с Боевым! Они мчались вдоль забора к сараям-развалюхам. Добежали, молодцы! Значит, заведут машину и скоро подъедут.

По дороге навстречу бежали трое! Ну, слава богу! Женщина средних лет, вполне мило-видная, двигалась самостоятельно, придерживая развевающиеся полы плаща. Волосы разметались, она тяжело дышала. Мужчина был чуть старше своей спутницы, бледный как привидение. Он хватался за сердце, подволакивал ногу.

Его подталкивал раскрасневшийся здоровяк Грубов, рычал в спину. Терпение его иссякло, он схватил мужчину за ворот, поволок как на буксире, обогнал запыхавшуюся женщину.

Ополченцы поспешили к ним. «Встреча на Эльбе» свершилась!

Павел подхватил женщину, остальные – мужчину. Оба задыхались, были по уши в грязи. Женщина повисла у Павла на руке, застонала. Он не стал делать ей поблажек, сжал до боли локоть, чтобы очнулась, погнал по дороге.

За их спинами хрипел мужчина. Его уже не гнали, тащили будто гроб на похоронах. Павел оглянулся на бегу: отмыть, приодеть, облачить в строгий костюм, чем не украшение дипломатического корпуса Украины?

– Вы Омельченко? Дипломат, сбежавший из Киева?

Мужчина что-то прохрипел, но явно не утвердительно.

– Это я, – простонала женщина. – Ольга Юрьевна Омельченко, перший заступник... тьфу!.. первый заместитель министра иностранных дел Украины по вопросам европейской интеграции. Я не очень часто появлялась в телевизоре. А это мой муж Алексей Куприянович. Да, он тоже Омельченко.

Было не весело, но все дружно рассмеялись. Право слово, ждали мужчину. Хотя никто и не сказал, что это будет не женщина! Как всегда, все впопыхах, никакой точной информации!

– Ну что ж, тогда примите наши верительные грамоты, Ольга Юрьевна. – Павел улыбнулся. – Представляю, чего вы там наинтегрировали!.. Не волнуйтесь, с вами и вашим мужем все будет в порядке. Самое страшное позади. Но потерпеть еще придется. Вы не обидитесь, если вас будут толкать, давить или, боже упаси, орать матом в лицо, если вдруг замешкаетесь?

– Нет, что вы, это так мило. – Женщина споткнулась, но повеселевший спецназовец держал ее крепко, поставил на ноги и повлек за собой с ускорением, от которого она стала обливаться пеной.

С пронзительным ревом им навстречу из Покровского мчался семиместный джип, обляпанный грязью. Боев подпрыгивал за рулем. За стеклом мельтешило его широкое, вечно небритое лицо. Подтянутый чубатый казачок Яша Винничук высовывался из раскрытой двери, опираясь на подножку. Непонятно было, почему он не падал.

Взрыв прогремел по левому борту, повалил ограду из штакетника. Боев вывернул баранку в другую сторону, «Ниссан» ушел с дороги и запрыгал по буеракам.

Ополченцам стоило поспешить, пока вражеский гранатометчик не пристрелялся.

На холме продолжалась перестрелка. Но накал ее иссяк, раздавались лишь отдельные отрывистые хлопки.

Из леса что-то выкатилось и запрыгало вниз по дороге. Клубок из жил и нервов, то ли леший, то ли человек.

– Мужики, прикрывайте! – заорало это существо.

Ополченцы бросили своих подопечных. Павел крикнул женщине, чтобы она поддержала мужа и села с ним в машину.

Джип подъехал, сделал вираж и остановился. Возбужденный Винничук слетел с подножки.

Все вскинули автоматы и открыли огонь по северному лесу. Боеприпасов оставалось с гулькин нос, но не экономить же их в такой ситуации!

Укропы преследовали Вдовенко, лезли из леса, злые, набегавшиеся. Огонь из четырех стволов погнал их обратно. Один остался, скорчился на косогоре, схватившись за живот. Ополченцы продолжали стрелять, не давая им выйти.

На пальбу с обратной стороны уже никто не обращал внимания. А пулемет на «Саксоне» периодически гавкал. Пули ложились то справа, то слева.

Колобок с матами и перематами катился по дороге, поднимая столбы пыли.

Он взлетел на бугре как на трамплине и ринулся на финиш с воплем:

– Мама родная, почему я до сих пор не Бэтмен?!

Товарищи схватили ошалевшего Вдовенко, который иначе точно промчался бы мимо. Он был не в себе, дергался, вибрировал, начал энергично себя ощупывать, словно искал незамеченное отверстие от пули. Невероятно, но все обошлось!

– Мужики, я, кажется, в порядке, – заявил он, испустил мощный вздох облегчения, расслабился и молитвенно уставился в небо.

– Ты прекрасен, как баба под вуалью, – подтвердил Павел, подталкивая отличившегося товарища к машине.

– Надо побыстрее уезжать отсюда. Здесь опасно, – выдохнула Ольга Юрьевна.

Она тоже недоверчиво озиралась, вздрагивала от каждой автоматной очереди. Женщина держала под мышки своего мужа, который приходил в себя, вяло улыбался, но пока еще плохо ориентировался в пространстве.

– Согласен. – Павел забил в автомат последний магазин, поставил оружие на предохранитель. – Вы абсолютно правы. Длительное пребывание на солнце весьма опасно. Всем в машину!

Боев нетерпеливо газовал, бросая любопытные взгляды на необычную пассажирку.

Спасенных беглецов грузили в машину, нисколько не церемонясь. Девятерым людям пришлось утрамбоваться в семиместном салоне. Трещали грудные клетки, стонал придавленный муж женщины-дипломата.

– Ольга Юрьевна, ну и что вы разлеглись на полкровати? – делано возмущался Грубов, тесня женщину.

Та сдавленно прыснула, давая понять, что чувство юмора при ней.

Шумскому со спутниковой станцией пришлось запрыгивать в машину уже на бегу.

– Ну и куда ты лезешь со своей бандурой? – ворчал Корвич, втаскивая товарища за шиворот.

Надрывно гоготал весельчак Яша Винничук.

Боев рванул с места, развернулся как на гоночном треке. Павел чуть не вывалился в открытую дверь, емко и справедливо прошелся по водительским способностям Рустама.

Украинский гранатометчик, так и не сумевший пристреляться, открыл беглый огонь. Он практически не целился. Дым от разрывов клубился перед лобовым стеклом.

Боев вертел баранку, возмущаясь, что ни черта не видно. Ольга Юрьевна крестилась.

«Ниссан» уходил из-под обстрела. Он катил вдоль северной околицы Покровского, взлетая на кочках.

Женщина обняла молчаливого супруга, у которого, похоже, пробудились рвотные рефлексы, другой рукой вцепилась в ручку над головой. Она судорожно сглатывала.

– Виноваты, мадам, – язвительно проговорил Винничук. – Это вам, конечно, не трасса Киев – Винница. Такие уж дороги в Донбассе, с ямочками.

– Ну, не все, – вступился за родную местность Корвич.

– Скоро будут все, – уверил его Винничук.

Тут вдруг пули застучали по заднему бамперу. Несколько украинских силовиков, воспользовавшись затишьем, вывалились из северного леса и стали стрелять вдогонку убегающему джипу.

Боев опять бросал машину в стороны, кричал, что еще немного и они уйдут из-под обстрела.

Грубов опустил заднее стекло, растолкал товарищей и принялся долбить по холму короткими очередями. Эффективность стрельбы была такой же, как и у украинцев. Пули веером уходили в землю.

– Кончай стрелять, Пумба! – прикрикнул Павел. – Побереги патроны!

– Покажи им лучше неприличную часть своего тела, – посоветовал Вдовенко. – Больше пользы будет.

– Это каку? – осведомился Грубов, покосившись на женщину. – У меня все части тела приличные.

Спецназовцы хохотали как подорванные. Странно вздрагивал спасенный мужчина, хотя глаза его были закрыты. Беззвучно смеялась, зажав рот руками, Ольга Юрьевна.

Машина выскочила за пределы села, неслась по проселочной дороге. Приближался лес. Выстрелы стихли.

Лес оказался всего лишь небольшим осинником, на преодоление которого ушло три минуты. Заголубел просвет, показалось поле, заросшее ромашками и клевером.

В воздухе снова что-то засвистело, противно, на вибрирующей ноте. Рвануло где-то в поле, слева. Вторая мина разорвалась на опушке, третья – в лесу, недалеко от дороги.

Боев ругнулся и ударил по тормозам.

Минометный обстрел продолжался. Пока разрывы грохотали далеко от машины. Но стоит лишь выехать в поле, оказаться на виду!..

Ольга Юрьевна ахнула, заткнула уши.

– Из Кубового бьют, – прислушиваясь к разрывам, процедил Павел. – Оно в прямой видимости будет, когда выедем из леса. На южной окраине у хохлов батарея двадцатимиллиметровых минометов. Видать, получили сигнал, поняли, что мы здесь поедем. Ладно, уроды, будет вам война. Женька, заводи свою адскую машинку. Надо срочно связаться с капитаном Ласточкиным.

В ведении упомянутого офицера находилась батарея реактивных систем залпового огня БМ-21, более известных под названием «Град». Она дислоцировалась в Бахметьевском укрепленном районе, сразу за линией разграничения. Ласточкин получил приказ быть на связи с капитаном Соколовским и по первому требованию помочь ему огнем.

Переговоры были недолгими.

– Координаты ты понял, капитан, – сказал ему Павел, нацепив наушники. – Жахни по ним, чтобы прониклись. А то проехать не дают.

– Понял, коллега, сделаем, – жизнерадостно отозвался Ласточкин. – Точного попадания не обещаю. Там все-таки село. Жалко, если кого-нибудь зацепим. Но дымовую завесу мы тебе запросто сварганим.

Батарея нанесла удар через минуту. Пол машины затрясся под ногами людей. Покатилась серия упругих разрывов, задрожала земля.

Ольга Юрьевна в очередной раз побледнела и заткнула уши. Ее супруг, наоборот, пришел в себя, вытянул шею, нахмурился.

Боев переключил передачу. Машина ринулась вперед, вылетела из леса и помчалась полевой дорогой. В ста метрах слева видимость была уже нулевой. Клубился серый дым, в нем

периодически что-то вздрагивало и вспыхивало. До леса напротив оставалось километра полтора.

Джип пронесся это расстояние, под восторженные крики въехал в лес, запрыгал по грунтовой дороге. Вскоре Боев врезал по тормозам, и машина встала. Водитель повернул небритую физиономию, озаренную неуверенной улыбкой, отыскал глазами капитана.

– Ну так что, командир, вроде все? – Машина стояла, но руки Боева вцепились в руль так, что побелели костяшки пальцев.

– Все, Рустам, отстрелялись. – Павел улыбнулся. – Аллес капут, как говорится. Иначе и не могло закончиться, верно? Это была последняя батарея укропов в этом районе. Дальше пустота, а через восемь верст стоят наши. Поехали, дружище. Но только не рви как больной на всю голову. Потихоньку езжай, ладно?

Рустам облизнул пересохшие губы. Переволновался боец, который волок на себе слишком большую ответственность.

Ополченцы приходили в себя, недоверчиво таращились друг на друга. Ни одного убитого и даже раненого, не считая ссадин на лице Вдовенко, обгорелого носа Винничука и защемленного указательного пальца Женьки Шумского. Он придавил его своей станцией. Палец безбожно распух и теперь вряд ли мог пролезть в спусковую скобу. Только ленивый не прошелся по этому поводу.

Смешнее всех пошутил сам Шумский. Он обозвал собственный палец головкой самонаведения, превосходящей по точности зарубежные аналоги, и как-то задумчиво покосился на женщину.

– Хорошо поработали, – резюмировал Винничук и засмеялся, выставив на всеобщее обозрение белоснежные зубы, смотрящиеся на войне как-то странно. – Я же говорил, что толпа придурков может решить все вопросы. А вы не верили.

– Все, мужики, успокоились! – сказал Павел. – Ольга Юрьевна, вы в порядке? Сочувствую вам и вашему мужу. Не самое женское дело вы затеяли.

– Согласна. Я до безумия устала. – Она закрыла глаза, облизнула губы. – Чувствую себя вдребезги разбитой, разобранной. Меня теперь надо складывать как кубик Рубика. Дайте, пожалуйста, воды попить. Есть у кого-нибудь?

Спецназовцы недоуменно переглянулись, пожали плечами. Воды ни у кого не было. К операции они не готовились, все произошло внезапно, в противном случае прихватили бы. Павел собрался поострить про необходимость экономии водных ресурсов, но прикусил язык.

– Вроде есть немного, – неуверенно сказал Грубов, отцепляя от пояса фляжку и как-то странно глянув на командира. – Возьмите, Ольга Юрьевна.

– Но это ведь не вода, – заявил непьющий Шумский.

– Разве? – Грубов поднес горлышко к губам, отпил.

Все его лицевые мышцы вдруг напряглись.

– И какая сволочь воду в вино превратила? – прокомментировал Яков.

– Это даже не вино, – проговорил Вдовенко, хорошо знакомый с вкусовыми пристрастиями приятеля. – Техническая жидкость для прочистки контактов в мозгу.

– Ой, ладно вам умничать. – Ольга Юрьевна отобрала у Грубова фляжку и стала жадно пить.

Она не изменилась в лице, лишь откинула голову, глубоко задышала. Пот стекал по лицу женщины, которое принимало человеческий и даже привлекательный вид. Муж шевельнулся, забрал у нее фляжку, сделал глоток и вернул емкость жене.

Ополченцы удрученно переглянулись.

– Ладно, – сказал Грубов и тяжело вздохнул. – Наши вредные привычки сегодня потеряют. Вы пейте на здоровье, Ольга Юрьевна, не обращайтесь на нас внимания.

– Сочувствую вам, командир, – проговорила женщина, повернула голову и устремила на Павла ироничный взгляд.

Спиртное явно пошло ей на пользу.

– В вашей команде собрались одни клоуны.

– Согласен, Ольга Юрьевна. – Павел сокрушенно вздохнул. – Тут уж не до жиру, как говорится. Приходится работать с тем, что есть. Знаете, как трудно в наше время найти грамотных специалистов?

Спецназовцы смеялись. Машина продиралась по лесной дороге, приближалась к позициям войск мятежной республики.

«И что бы это значило? – недоуменно думал Павел, озирая довольные физиономии своих людей. – В таком бою я мог потерять половину ребят. Но все живы. Ранения такие, что даже в медсанчасть идти стыдно. Может быть, высшие силы сберегли нас для чего-то большего?»

Глава 2

В подвальном вытянутом помещении было сыро и душно. Там властвовала тишина. Остро пахло канализацией, застарелыми нечистотами. Единственное оконце в дальнем торце подвала находилось высоко под потолком. Сквозь него просачивался мглистый лунный свет. Он скудно озарял стальные решетки, выщербленный каменный пол, навесные замки на решетчатых дверях.

Помещение было разбито на секции, крохотные клетушки, оборудованные нарами и отхожими местами. С трех сторон их ограничивали глухие стены, с четвертой – решетка, сваренная из толстых стальных прутьев.

К зданию подъехала машина. Захлопали двери, забубнили голоса. Через минуту заскрежетал замок в двери. Загорелся матовый плафон, мощности которого едва хватало, чтобы осветить небольшой участок прохода.

В подвал ввалились двое мужчин. Они волокли за шиворот арестанта. Ноги несчастного тащились по земле. Забренчали ключи, со скрежетом распахнулась третья по счету дверь справа.

– Отдыхай, ватная скотина, – хрипло проворчал один из надзирателей и толкнул узника в спину.

Его ноги заплелись. Он рухнул на пол рядом с отхожим местом и ударился головой о ножку шконки.

– Ты промазал, Грицько. Он вообще живой? – пробормотал второй надзиратель.

Мужчины прислушались.

Узник застонал, свернулся в клубок и обхватил голову руками.

– Живой. – Грицько облегченно вздохнул. – Да, я чуть промахнулся, с кем не бывает. Очухается эта зараза. Пойдем, Леха, у нас партия не доиграна.

– Какая партия? Офицер еще не уехал. С Рысько болтает во дворе. Подождем, пока уйдет. Напарники закурили.

Узник не проявлял активности. Возможно, он догадывался, что если поднимется, то скучающим надзирателям придет идея позабавиться. Один из них перешел на другую сторону коридора, осветил фонарем груды рваных одеял на нарах, стоптанные, но качественные ботинки под лежанкой. Он поколебался и ударил кулаком по решетке. Задребезжала ржавая конструкция. Сонно застонал человек под одеялами.

Надзиратель хрипло засмеялся.

– Прикидывается спящим, падла. Хорошо, дрыхни, сволота. С тобой еще разберутся.

Надзиратели затоптали окурки и потащились к выходу. Заскрипела дверь, погасла тусклая лампочка, и помещение снова заполнил мрак.

Человек, лежащий на нарах, медленно поднялся. Он тяжелой поступью доволочся до решетки, обхватил ее руками, принялся всматриваться.

На другой стороне прохода в такой же камере зашевелился второй несчастливцев, встал, опираясь на нары. Он взгромоздился на шконку и начал яростно растирать виски ладонями, чтобы побыстрее избавиться от наваждения. Но оно не отпускало. Перед глазами человека плыл туман, в голову забирался пронзительный запах нечистот.

– Доброй ночи, уважаемый, – хрипло произнес арестант на другой стороне прохода. – Примите мое сочувствие.

Первый резко вскинул голову, покрутил ею и задумался, не почудилось ли.

– Вам крепко дали по затылку – посочувствовал собеседник. – Поэтому вы не можете соотнести себя с новой реальностью. Это не сон, не бред. Вы находитесь за решеткой. Не

привыкли, уважаемый, к подобному обращению? Придется привыкать, лучше не будет. Наши оппоненты готовы скатиться в полную азиатчину, лишь бы их пустили в Европу.

– Кто вы? Где вы? – Новоприбывший арестант тщетно всматривался в темноту, его глаза отказывались видеть.

Он поднялся, на ощупь добрался до решетки, потряс ее.

– Что это? Я вас не вижу. Выпустите меня отсюда!..

– Не выпущу, любезный. Я нахожусь в такой же камере, точно так же хочу отсюда выйти, но не имею такой возможности. Разве что в компании надзирателей. А это, уверяю вас, редкие гаденыши.

Несколько минут мужчины помалкивали. Во мраке бледно очерчивались их фигуры, прилипшие к решеткам.

– Здесь еще кто-нибудь есть?

– Нет, только мы. До вашего появления я тосковал в одиночестве. Теперь мы будем делать это вместе. Не знаю, как сильно вас ударили по голове, но вы должны догадываться, что это не вытрезвитель.

– Черт, кровь на виске, – пробормотал арестант, ощупывая голову. – Крепко приложили, мерзавцы. Ноги не держат, извините. – Он отступил, плюхнулся на нары, откинул голову к скользкой стене. – Догадываюсь, что это не вытрезвитель. Я достаточно долго не брал в рот спиртного. И все же где мы находимся? Меня выкрали из Донецка, ударили по голове, когда я открывал дверь квартиры, видимо, протащили через подвал, сунули в заднем дворе в какой-то микроавтобус. На них была форма ополченцев, но...

– Диверсионная группа ВСУ, проникшая в Донецк. Уверяю вас, не первая и не последняя. Меня захватила такая же, когда я работал под Новоазовском, собирал материал о разгule карательных батальонов в приморских селах. Мы находимся примерно в ста километрах от Донецка, северо-западнее райцентра Байдак. Территория контролируется украинскими военными. Забытое людьми село Родичи, ракетная часть бывшего СССР, заброшенная еще в девяностые годы, – это то, что находится вокруг нас. А мы с вами пребываем на территории бывшей лечебницы для людей с психическими отклонениями. Специализированное лечебное учреждение номер четыре. Может, слышали о таком? Оно когда-то находилось в подчинении Донецкого облздора, курировалось местными партийными властями. Сюда помещали людей, не согласных с политикой партии и правительства, подавляли волю, залечивали до полного «согласия». Не поверите, здесь проходили курс принудительной терапии даже люди, приверженные идеям Степана Бандеры. Злая ирония, знаете ли. Вы же помните, в светлом прошлом это была обычная практика. Лично я здесь не бывал, поскольку годами не вышел, но весьма наслышан. С приходом незалежности финансирование прекратилось. Да и кого тут лечить, если потенциальные пациенты подобных богаделен встали у кормила власти? Учреждение забросили, вывезли персонал, разогнали больных, забрали ликвидное оборудование. Почти четверть века тут все зарастало былем, пока однажды к объекту не проявила интерес СБУ. Насколько я понял из разговоров, они собираются сделать здесь тюрьму особого назначения. Кое-что перестроить, переоборудовать. Близость линии фронта очень тому способствует. Выкрадывать таких людей, как мы с вами, получать от них необходимые сведения. При этом вовсе не обязательно о каждом заключенном докладывать в Киев. Внутриведомственная конкуренция, понимаете?

– Вы хотите сказать, что мы находимся в психушке? Но это не похоже...

– Это подвалы, где держали буйных. Что-то вроде карцера. Разумеется, четверть века назад здесь было опрятнее. Основное здание над нами. Оно не лучше, тоже находится в ужасном состоянии, но его стены могут припомнить много интересного. Не удивлюсь, если в них до сих пор витают призраки загубленных людей, а таковых хватало даже в светлые советские времена.

Узники невольно замолчали. С невинно загубленными душами в этом подвале, похоже, все было нормально. Они смутными теньями ползали по стенам и потолку, принимали зловещие очертания. В головы людей забирался тихий вибрирующий звон, перемежаемый разноголосым шепотом.

– Вы давно здесь? – Новоприбывший арестант, похоже, потихоньку свыкался с новой ролью, уже не дрожал, не мотал головой.

– Два дня.

– Вас пытали?

– Надзиратели издевались. Они это любят. Официального допроса пока не было. Для его проведения нужно наличие официального лица, а такого я пока не наблюдал.

– Черт, вот так попали! – Арестант начал нервно вышагивать по крохотной камере. – Здесь хоть кормят?

– Насыпают иногда корм. – Старожил неопределенно пожал плечами. – Перловка, пшенка, тухлая картошка. Зачем нас кормить? Сколько террориста ни корми, знаете ли... В первый день я пошутил: хочу, мол, пожаловаться в Европейский суд по правам человека. Получил в челюсть. Решил, что хуже не будет, и стал хамить. Оказывается, хуже может быть всегда, просто у меня проблемы с воображением.

– Нас расстреляют? – со страхом спросил «новенький».

– Почему бы нет. – Его собеседник пожал плечами. – Нынешняя демократическая власть делает ставку исключительно на насилие. Людей убивают пачками. Изгнанному тирану и в голову не приходило делать подобные вещи. Согласитесь, самое простое решение сложной проблемы – расстрелять к едрене фене ее носителя, и все довольны. Хотя не думаю, что это случится завтра. Не для этого нас похищали и везли сюда. Мы должны отработать свой ресурс. Жизнь теперь выглядит иначе, правда, уважаемый? – Узник невесело рассмеялся. – То, что с нами произошло, придает нашему существованию особый вкус. Начинаешь ценить то, что раньше даже не замечал.

– А вы словоохотливы, милейший. Может, представимся?

– Поговорить люблю, работа такая. Згурский Алексей Денисович. Заместитель председателя правления журналистской ассоциации «Свободная пресса», директор информационного портала «Без маски». Месяц назад был вынужден бежать из Киева. Причина в том, что сделал ставку на обещанную, но не данную властями свободу слова.

– Кто же вас не знает? Люди удивлялись, почему прихлопнули Бузину, а вас не тронули, хотя ваша деятельность была куда опаснее для новой власти.

– У меня были хорошие адвокаты, – пошутил Згурский. – До определенного периода. Потом я, видимо, перегнул, опубликовал со всеми подробностями коррупционную схему государственных закупок угля, в которой наш братец Кролик, называющий себя премьер-министром, был замаран по самые гланды. Зря я это сделал. Довыживался. – Згурский рассмеялся. – Меня обвинили в поддержке сепаратистов, в унижении достоинства чиновников высшего ранга, пекущихся о благе простого украинского народа. СБУ нагрянула на квартиру, на дачу в Кудринцах. Меня предупредили, я был уже далеко, но потом все равно попался. Ваша очередь, уважаемый. Ваш голос мне знаком, но могу и ошибаться.

– Да знаком, чего там. Просто раньше он был тверд как просроченный пряник, а сейчас стал вялый как... сами понимаете, что именно. Горчак Анатолий Петрович.

– Бывший депутат Верховной Рады от Партии регионов, заместитель председателя главы комитета по бюджету, – подхватил Згурский. – Проворовавшийся предатель украинского народа, объявленный в розыск за измену родине, спевшийся с пророссийски настроенными силами. Вы же входили в так называемый Комитет по спасению Украины. Кто-то даже предложил назначить вас президентом страны, освобожденной от хунты, но потом решили, что...

– Фигура мелковата? – Горчак усмехнулся. – Ладно, не обижаюсь, и впрямь маловата. Да и харизма прихрамывает. А воровал я не больше прочих. Вы, скандальный журналист, об этом прекрасно знаете. Назовите хоть одно коррупционное дело, в котором я фигурировал. Умрете, не припомните. Не мое, знаете ли. Да, бежал после Майдана на восток Украины, участвовал в ее расколе, был активным сторонником создания Новороссии, хотя еще недавно ратовал за единую и неделимую Украину. Все мы когда-нибудь меняем свои убеждения. Разочарован я в этой стране, Алексей Денисович, причем очень сильно. Здесь никому ничего не нужно. Моя хата с краю. Люди зарывают головы в песок как страусы. В это время натуральная фашистская нечисть забирает власть.

– И все хотят, чтобы их проблемы решал кто-нибудь другой, – поддержал его Згурский. – Я люблю эту страну, Анатолий Петрович, но мне чертовски стыдно за нее. Почему такая большая страна всегда надеется на кого-то, никогда не может сделать что-то сама? Почему она всю дорогу перед кем-то пресмыкается, под кого-то ложится – под Швецию, Польшу, Германию, Россию? Сейчас ее правители решили полежать под США. Что за гомосексуализм в национальном масштабе? Бери меня и делай со мной что хочешь! Может, эта пресловутая незалежность не так уж и нужна Украине? Чего же тогда ее правители горланят о ней на каждом углу?

– Сами наломали дров, а Россию представили исчадием ада, вероломно поправшим международное право, – проговорил бывший депутат. – Замурыжили мозги своей пропагандой. А ведь смешно, Алексей Денисович!.. Люди во всем мире категорически верят телевизору, какую бы чушь тот ни предлагал. В Украине, в Европе. Головы у людей набиты западной пропагандой. Подавляющее большинство европейцев искренне убеждено в том, что Россия – квинтэссенция мирового зла. А ведь все объясняется на пальцах. Майдан – пощечина России, у которой на Украине традиционно имеются свои интересы. Так уж сложилось исторически. У каждого сильного государства имеется своя зона интересов. Россию унизили, оскорбили. А за козла, как водится, надо отвечать. Вот вам и Крым. А как иначе? Пойди все своим чередом, и был бы аннулирован договор о флоте в Севастополе. Россия оттуда вынуждена была бы уйти, и освободившуюся базу занял американский флот. Вы можете представить военную базу США в Севастополе, городе русской воинской славы? Абсурд! Такое даже не представляется. Чтобы в Крыму хозяйничало НАТО, контролировало Черное море? Я не понимаю, чем они возмущаются. Неужто думают, что Россия снесет и эту пощечину? Какая странная беседа у нас, Алексей Денисович. Мы свое, похоже, отгуляли, повязали нас крепко, а сидим и рассуждаем, словно в гостиную за чашкой чая. Мы во всем правы, но не там и не в должное время. Отсюда мы не выйдем, это ясно как день.

– Остается только болтать, – сделал вывод Згурский. – Пока не начался день и нас не подвергли какому-нибудь прессингу. Для справки, Анатолий Петрович. Здание больницы по периметру окружено двумя рядами колючей проволоки. Между заграждениями полтора метра. Там зарыты противопехотные мины. Охрана внутрь ни ногой. Караул серьезный. Для охраны психушки выделен взвод из комендантской роты гарнизона Байдака. Все эти ребята – приверженцы праворадикальных идей. Начальник тюрьмы – майор СБУ Войт Леонид Васильевич. Он же просто Леня. Редкая мразь, удивляюсь, почему таких держат в службе безопасности. Любитель прогнуться перед начальством. Лучше не задирать этого парня, Анатолий Петрович. Его заместитель, начальник охраны, – капитан Рысько. Спокойнее первого, но того же поля ягодка. Надзиратели – звери, похоже, бывшие контролеры из исправительных учреждений, отобранные по принципу «чем злее, тем лучше».

– Увы, Алексей Денисович, озвученная вами информация для меня так же интересна, как, скажем, легализация однополых браков в Европе, – заявил народный избранник. – Мне плевать. Меня отсюда не выпустят, это ежу понятно, и обменивать ни на кого не будут. Пока я им нужен, буду жить. Как стану бесполезен... – Последовал очередной трагический вздох. – Вы моложе, изворотливее, можете рассчитывать на побег или какое-нибудь удачное стечение

обстоятельств. Вы не настолько им нагадили, в отличие от меня. Мне уже шестьдесят два, Алексей Денисович. Кстати, откуда вы все это узнали? Почему вокруг бывшей психушки такая серьезная охрана?

– Ага, не угасла еще искра интереса, Анатолий Петрович, – с усмешкой проговорил журналист. – Правильно, голова человека всегда должна работать, иначе его тело угаснет. Меня выводили на прогулку, я слышал разговоры солдат. Войт лично отрекомендовался мне, отведав затрещину. Я слышал, как он говорил по телефону с непосредственным начальством. А по поводу серьезной охраны я уже высказывал предположение. СБУ намерена устроить здесь тайную тюрьму, чтобы не тащить народ в Киев и не делиться добычей с конкурентами по ведомству и «смежниками». Пока нас здесь только двое. Думаю, это ненадолго.

Роль оракула-чрево вещателя журналисту удалась. Какая-то ночная жизнь в этой тюрьме сохранялась. К зданию подъехала машина. Собеседники прервали разговор, притворились спящими. Их жалкие персоны в этот час никого не интересовали.

Прошло минуты две, и надзиратели втащили в подвал очередное безвольное тело. Загорелся плафон.

Это тоже был мужчина, причем весьма качественно избитый. Он тихо стонал, когда его волокли по проходу.

Несчастный был одет в рваную штатскую одежду, которой будто бы долго бороздили кустарник. Одна его нога была босая, на другой сохранился грязный ботинок.

Надзиратель пинал заключенного по ребрам, злобно шипел. Похоже, бедняга ранее сопротивлялся или, как говорится, оскорбил действием кого-то из охранников, за что и пребывал в таком плачевном состоянии. Его вволокли в камеру, следующую за депутатом, бросили на пол. Заключительный удар пришелся по бедру, и надзиратели потопали обратно. Заскрипела решетка, запираемая на замок.

Охранники прошли по коридору, один не удержался и треснул дубиной по решетке, за которой прикидывался спящим журналист Згурский. Надзиратель гнусно захохотал, но не стал продолжать свои ночные игрища, потопал дальше. Контролеры скрылись за дверью, погасла лампа.

– Спите, Анатолий Петрович? – прошептал журналист.

– Уснешь тут с вами, – проворчал Горчак и сел. – Вы оказались правы, Алексей Денисович, нас стало трое.

Згурский прилип к решетке. Заключенный в камере напротив не шевелился. Он лежал на полу, фактически под нарами, и не подавал признаков жизни. Згурский окликнул его, но никакой реакции на это не последовало.

Прошло еще несколько минут. Згурский всматривался в темноту. У него складывалось такое ощущение, что мужчина даже не дышал. Депутат поднялся, подошел к решетке.

– Он без сознания, Алексей Денисович? Вы видите его?

– Вижу. – Згурский сглотнул. – Не самая лучшая новость, Анатолий Петрович. Судя по всему, я был не прав. Нас по-прежнему двое.

Бывший депутат вздрогнул, попятился от решетки. Ноги его сделались ватными. Он доволкся до нар, плюхнулся на них, сжал виски трясущимися руками.

Полковник СБУ Вишневский плавал в полудреме на заднем сиденье внушительного бронированного джипа. Ему по статусу полагался именно такой, не подверженный воздействию мин, фугасов, крупнокалиберных пуль и прочих удовольствий поражающего характера.

Практика, по счастью, на опыте других показывала, что это чушь. Поражается все, за исключением того, что не участвует в войне и находится глубоко в тылу. Все же под защитой брони важная персона чувствовала себя спокойнее.

Полковник Вишневский был молод для своего звания и должности. Четыре дня назад ему исполнилось сорок. Но внешность он имел вполне соответственную. Не жирный, но крепкий и широкий в кости, не великан, но и не карлик, прямой как фонарный столб, невозмутимый, с чугунной тяжестью в поблескивающих зеленых глазах, всегда холеный, с аккуратной стрижкой и чистыми волосами.

Он не любил костюмы и форму, предпочитал брюки с кофтами, но подбирал их с особой тщательностью, вследствие чего всегда имел представительный и убедительный вид. Еще вчера Вишневский гулял по Крещатику, спал с женой, а накануне – с другой женщиной, жил мирной жизнью. Уже сегодня он бороздил просторы прифронтовой полосы, невольно вспоминая крылатую фразу, придуманную не самыми сознательными элементами: «Везде хорошо, где АТО нет».

Он покосился влево. Капитан Шура Бунич, верный, исполнительный служака, прибывший с ним из Киева в качестве помощника, не дремал. Он настороженно всматривался в пейзажи, мелькающие за окном. Пока в них не было ничего ужасного, типичная украинская буколика с минимумом антропогенных элементов.

Затвор автомата можно было не передергивать. До линии разграничения отсюда километров сорок.

Да и охрана, приданная в Байдаке, внушала спокойствие. Крепкий парень за рулем, такой же рядом. Позади микроавтобус, набитый воинственной, но послушной публикой.

Бунич покосился на начальника и быстро отвел глаза. Этот худощавый невысокий парень отличался феноменальной памятью, интуицией, порой на грани паранойи. Он был предан полковнику со всеми потрохами, за что Вишневский платил ему той же монетой. Исключительная редкость в наше время – иметь под боком преданного человека.

Полковник отвинтил крышку от бутылки с минералкой, всосал в себя половину емкости. Состояние его было мерзким.

– После вчерашнего, пан полковник, нам не до сегодняшнего, – метко выразился Бунич два часа назад.

Но деваться некуда, работа сама себя не сделает. Он прибыл в эту длительную командировку в прифронтовую полосу вовсе не для того, чтобы пьянствовать и отлынивать от работы.

В Байдак они въехали вчера днем на невзрачной иномарке, чтобы не привлекать внимание. До вражеских позиций отсюда было 35 верст. Городок сильно напоминал прифронтовой. Повсюду посты, на каждом углу БТРы, автоматчики, действовал комендантский час.

Дороги в этих местах были ужасные.

– Не приживается у нас асфальт, отвергает его земля, – пошучивал Бунич.

Полковник с поджатыми губами косил по сторонам. Информацией о положении дел на фронте он владел в полном объеме, но одно дело читать ее, другое – видеть собственными глазами.

В Байдак, где раньше располагался крупный металлургический комбинат, вела железнодорожная ветка. Раньше сюда ходили поезда и электрички из Днепропетровска и Днепродзержинска. Теперь пассажирское сообщение было прервано, по рельсам переправлялись только военные грузы.

Практически одновременно с сотрудниками СБУ в город прибыло одно из танковых подразделений полковника Гармаша. Громоздкие Т-64 перекрыли всю центральную улицу. Местные жители смотрели на них со страхом и невольным пиететом.

Полковнику вспомнился известный исторический казус. В Первую мировую войну эти стальные громадины еще только появлялись. Пионером в строительстве была Англия. Их переправляли на фронт судами, эшелонами. Работал режим секретности, технику маскировали чехлами. А чтобы сбить с толку вражеских шпионов, писали на грузе: «Tank». В переводе с

английского – «бак», «контейнер», «резервуар». Вроде как нефть перевозили, горючее, химические соединения.

Так и прижилось. Боевые машины стали называть танками. Единственный случай в истории, когда маскировочный термин дал имя новому виду вооружений.

В райотделе СБУ их встречал местный начальник – капитан Тесляк. Грузный, ушастый, угодливый, готовый выполнить любую прихоть приезжих. Еще бы, приказ из Киева был совершенно недвусмысленным. Оказывать содействие под страхом оргвыводов!

Он дрожал, улыбался, суетился, дескать, горе-то какое привалило! С перепуга решил, что прибыли инквизиторы для проверки работы его отдела. Тесляк клялся в верности, уверял, что отдел, не щадя живота своего, двадцать пять часов в сутки стоит на страже территориальной целостности Украины. Мол, его назначил на этот пост сам начальник Донецкого управления генерал-майор Морощук, как самого исполнительного и лояльного работника.

Конечно, трудности есть. Время такое! Ведь сейчас тяжелее, чем в годы Великой... прошу прощения, пан полковник, Второй мировой войны! Если нужно, капитан Тесляк даже на украинский язык может перейти!

Выслушивать этот бред было противно. Повсеместная практика: назначаем верных, а спрашивать хотим как с умных.

Ну а украинский язык в своей работе Борис Евгеньевич Вишневский почти не применял. Он плохо знал его, считал непригодным для работы и, если честно, не любил.

Семь потов с Тесляка сошло, когда он узнал, что инспекторы из Киева прибыли не по его душу. Другой у них интерес в этой местности.

А какой же? У Тесляка забегали глаза, но полковник тут же укоротил его излишнее любопытство.

– Любим хранить секреты, капитан? – спросил он. – Примите дельный совет: лучше всего не знать их. Тогда они и не разлетятся по всему свету. Где обещанные апартаменты? Утром подать бронированный джип, охрану и не лезть не в свое дело, пока я не попрошу вас о содействии!

Оживший капитан стелился ковриком. Мол, все сделаем в лучшем виде, панове! Загородный особнячок с бассейном, полная уединенность, банька, яства, изысканная выпивка, а после заката появятся лучшие в мире девочки и сделают господам офицерам незабываемую ночь!

– Лишь бы по букету не сделали, – проворчал Бунич.

И ведь уломал, змей-искуситель! Особняк был действительно уединенный, весь покрытый зеленью, вода в бассейне чистая, банька – умеренно жаркая. Ели-пили, не щадя живота своего. Сначала скромно, настороженно, все-таки работать приехали, а не ром жрать. Потом расслабились, разомлели, задумались: не мало ли мы себе позволяем? Люди мы или рабочие комбайны?

Тесляк был начеку. Официант, горячее и горючее! О политике и многотрудной работе, конечно, не вспоминали.

Девочек капитан подвез, конечно, как и обещал. Их услугами Борис Евгеньевич не брезговал, к тому же в Киеве такие путаны, что пальчики оближешь. В Донбассе уже не то. Но эта плутовка так заразительно хохотала, такие коленца выкидывала в постели, что претензий у него не возникло. Чувства такта, правда, у нее не хватало. Могла бы дать поспать, зараза.

Капитан Бунич на завтраке тоже был квелый, не отходил от кулера, а потом заявил, что после того, что у него было с этой двухметровой кобылой, он просто обязан с ней познакомиться.

В одиннадцать утра кортеж из двух машин выехал из Байдака и взял курс на северо-запад. До села с названием Родичи было порядка пятнадцати верст. По убитой дороге автомобили плелись как черепахи.

Вишневский чувствовал злость на весь мир. Расслабился перед работой, сам виноват, поделом тебе.

Позавчера он разругался с женой. Та прекрасно знала о существовании любовницы, но старалась не лезть не в свои дела, пока эта идиотка сознательно не перешла ей дорогу.

Что хотела дражайшая половина, непонятно. Мгновенного развода? Но скандал был отменный. По ходу выяснилось, что супруга тоже не ангел, имеет тайного любовника.

Полковник Вишневский был в шоке. Он, опытный сыскарь, прожженный физиономист и психолог, проглядел у себя под носом такую бомбу! Законная супруга смеялась ему в лицо, обещала, что в случае развода отсудит у него пятикомнатную квартиру на Институтской, все средства на банковских картах и пустит голым по миру. Так не лучше ли им жить в любви и согласии, делая вид, что ничего особенного не произошло?

Полковник ушел, злой как барракуда, хлопнув дверью. Он решил, что обязательно отыщет этого рискованного малого и упечет за решетку на всю оставшуюся жизнь. Это намного предпочтительнее, чем просто убить. Но не сейчас, а после командировки. Он должен сосредоточиться на задании.

Еще это жуткое похмелье, мать его! Давал же себе зарок не пить напитки на основе рома!

Он со злостью выбросил в окно пустую бутылку от минералки, развернул компактную карту крупного масштаба, складывающуюся в блокнот. В этой местности полковник еще не бывал.

Кортеж удалялся от Байдака, погружался в безлюдную лесистую местность. Знали же советские люди, где лучше всего строить ракетные части и возводить закрытые психлечебницы! Вишневский хмуро покосился на старые осинники и глинистые обрывы, бегущие мимо окон, и снова уткнулся в карту.

Большинство населенных пунктов осталось на юге. В сорока километрах на востоке протекала небольшая река Олдын. Она и являлась линией разграничения враждующих сторон. За реку украинские войска не переходили. Части террористов тоже не совались на другой берег. С обеих сторон действовали небольшие группы диверсантов, но далеко от речки не удалялись.

Подразделения ополчения были разбросаны вдоль правого берега Олдыни. Они не представляли чего-то монолитного, вросшего в землю, постоянно кочевали, чем неизменно вызывали раздражение украинских наблюдателей. Формально соблюдалось перемирие, активные боевые действия не велись. Случались мелкие стычки, локальные обстрелы. Ополченцы и украинские силовики частенько переругивались с разных берегов реки.

На восток от Олдыни располагался единственный значимый населенный пункт под названием Букаево. Градообразующим предприятием там был вагоноремонтный завод. Даже в это нелегкое время он продолжал работать, не давая населению впасть в депрессию.

Интересы полковника в данном районе не ограничивались одной лишь заброшенной лечебницей. Здесь работала разведывательно-диверсионная группа лейтенанта Жереха, подчиняющаяся непосредственно полковнику Вишневскому. Это было, образно говоря, его личное подразделение, а лейтенант Жерех являлся дальним родственником Бориса Евгеньевича.

У полковника имелся кое-какой план. С целью его исполнения группа два дня назад перебралась на вражескую территорию и незаметно продвигалась в глубь местности, сливаясь с окружающей средой. Жерех ждал конкретного приказа.

В Букаево стояла 2-я мотострелковая бригада ДНР, одно из самых боеспособных соединений в районе, сформированное из мотострелковых батальонов, артдивизиона, двух взводов спецназа и танковой роты. У комбрига Кургина два дня назад случился сердечный приступ, еле откачали. От командования он, конечно, был отстранен. Ожидалось назначение нового комбрига.

Полковник с какой-то брезгливостью шнырял глазами по карте. От Букаево на восток шла еще одна река с грозным названием Бука. Расстояние между ними – около пяти кило-

метров. А в тринадцати верстах от реки в том же направлении располагался небольшой город Захаровск, где и базировался штаб армейской группировки ДНР.

Командующий – полковник Суслов Виктор Владимирович, серьезный военспец, прошел Афганистан, воевал на Северном Кавказе. Последняя официальная должность – начальник штаба танковой дивизии, дислоцированной в Центральном военном округе. В России числится на пенсии. Один из самых одиозных и опасных командиров сводных террористических банд, действующих на востоке Украины. Имеет собственный прикормленный спецназ.

Борис Евгеньевич усмехнулся. Эка невидаль, у него тоже есть собственный спецназ, и неизвестно еще, чей лучше прикормлен.

Кстати, насчет спецназа. Полковник повернулся к зевающему Буничу.

– Напомни, Шура, что случилось под Покровским пару дней назад? Знаю лишь, что полетели головы.

– Некая Омельченко, чиновница из МИДа, заместитель министра, продалась москалям, – быстро сориентировался всезнающий капитан. – Все материалы по оперативно-служебной деятельности засекречены, не наш отдел. Ее пасли, она почуяла и пустилась в бег. Выскользнула с мужем из самого пищевода! Ехали на машине, потом бросили ее, пересели на автобус, несколько раз ловили попутки, сбивали сыскарей со следа. Мы привлекли войска, а ей удалось послать весточку на ту сторону. Суслов поднял спецназ, бросил небольшую группу на перехват этой бабы...

– И чего ты замолк, Шура?

– Огресли наши парни по самое не могу. Два подбитых «Саксона», четырнадцать трупов, столько же раненых. После чего спецназ Суслова, не понеся потерь, посадил бабенку с мужем в машину и спокойно покатыл в свое расположение. Где ее теперь искать, никому не известно. Полный провал, Борис Евгеньевич. Головы не просто полетели, как вы заметили. Их буквально сшибали в дипведомстве, в нашей конторе, в армии, в милиции.

Вишневский поморщился. Хорошо, что это не его провал.

– Что за спецназ? Кто командир?

– Некий капитан Соколовский. Известно, что из России, воюет чуть больше года. Фигура туманная.

– Ладно, доберемся еще до этой фигуры.

Лес терял густоту. За окнами машины побежали поляны с клевером и медуницей.

По приказу Вишневого водитель сменил маршрут и проехал мимо заброшенной воинской части. Между деревьями притулились осыпающиеся бараки-призраки с зияющими глазницами. Плац и спортплощадка заросли травой. Поднимались скелеты стендов наглядной агитации.

За деревьями возвышалась вереница холмов, возможно, рукотворных. Как правило, под ними располагались ангары, ремонтные цеха, пусковые шахты.

Все пространство в районе холмов хаотично заросло лесом. Мелькали какие-то строения с провалившимися крышами, утонувшие в дебрях бурьяна. Бывший военный объект был необитаем и благополучно порастал бьельем. Здесь не селились даже бродяги и люди, бегущие от войны.

«Надо бы с дозиметром тут походить», – озабоченно подумал полковник.

Местечко было уединенное и, в принципе, подходящее. Снова сгустился лес. Посреди него неожиданно вырос тот самый объект, к которому начальство Вишневого решило проявить повышенный интерес.

Впрочем, лес стоял лишь с одной стороны. На другой растительность отступала. Там вздымались покатые холмы. В седловинах между ними и прятался объект.

Лечебницу окружал высокий дощатый забор, построенный, видимо, одновременно с ней. Полковнику не ясно было, какую функцию он выполнял. Дыр в ограде хватало с избытком.

«Надо снести, – сделал мысленную зарубку Вишневский. – Или усилить, оставить как часть периметра».

К территории примыкало небольшое озеро, основательно замусоренное, без всяких там лилий и прочих лебедей. Подойти к воде было проблематично. Отлогих участков берега почти не имелось, над водой возвышались травянистые обрывы.

За воротами появился шлагбаум. Солдат с автоматом проверил документы и вытянулся в струнку.

Территория лечебницы была весьма обширной – два холма, мрачные деревья и заросли кустарников под забором. Ее внутренняя часть была обнесена двумя рядами колючей проволоки.

«Осторожно, мины», – извещала надпись на фанерном щите.

«Лучше бы собак подвезли, – подумал, поморщившись, Вишневский. – Больше было бы пользы, чем от этой постоянной угрозы взрыва. Впрочем, где сейчас найдешь собак? Ладно, не горит».

Он вышел из машины и исподлобья осмотрелся. Здание больницы выглядело, мягко говоря, мрачно. Двухэтажное, какое-то придавленное, с отвалившейся штукатуркой. Кирпичные стены еще держались, но оконные проемы кое-где покосились, вываливались. Проржавели решетки, которыми они были забраны.

В некоторые окна поверх решеток вставили стекла. Там находились караульное помещение, комнаты для допросов, подсобки, каморки надзирателей.

Объект еще не был благоустроен, невзирая на то, что здесь протекала жизнь, скрытая от посторонних глаз. При взгляде на него в голову полковника забиралось какое-то нелепое беспокойство, ему делалось неприятно, и пристально разглядывать это чудо архитектуры как-то не хотелось. Закрадывалась крамольная мысль: а то ли здание выбрали для тюрьмы особого назначения?

Но генерал-майор Майсак, прямой руководитель Вишневского, настаивал на размещении объекта именно здесь. Уединенное место, не надо никакого шумного строительства, на которое и денег-то нет. Да и светиться не стоит. Можно использовать то, что есть. Допустима лишь небольшая реконструкция, доведение объекта до ума.

– Мрачно здесь, Борис Евгеньевич, – задумчиво пробормотал Бунич.

– Нормально, Шура. – Полковник исподлобья смотрел, как из здания, придерживая кобуру, семенил какой-то нескладный, рослый, подхалимски улыбающийся офицер. – Нам тут, знаешь ли, карнавалы не устраивать. Объект «Хоспис», мать его так!.. Место, куда приходят умирать. Майсак предложил такое название. Немного не в тему, но ладно, пусть будет «Хоспис».

– Майор Войт, Леонид Васильевич, начальник объекта. Рад приветствовать вас в своих, так сказать, пенатах, пан полковник. – Нескладный офицер коряво отдал честь.

Глаза его плутовато моргали, лицо подергивалось.

«Снова выбираем верных, а не умных», – с досадой подумал полковник, протягивая руку.

Ладонь у майора была потной, сам он – каким-то скользким. Но, судя по поступающей информации, с обязанностями справлялся.

– Показывайте свои пенаты, майор, – пробормотал полковник, косясь на вытянувшихся караульных. – Сколько вы здесь уже торчите? Две недели? Привидения не донимают?

Майор сглотнул, чуть задержался с ответом:

– Никак нет, пан полковник. – Зрочки офицера совершили вращение по орбите и ненадолго застыли. – Все в порядке, какие привидения?

Вишневский медленно бродил по просторному холлу, заглядывал за массивные колонны. Его шаги отдавались гулким эхом.

В помещении было прохладно. Мусор отсюда, похоже, сгребли совсем недавно. Пол не успел покрыться слоем пыли.

Здесь действительно было как-то не по себе.

«Надо меньше пить, господин полковник!» – подумал представитель СБУ.

Мелькала галерея лиц, среди которых практически не было симпатичных. Майор Войт визжал фальцетом, созывая подчиненных. Он уже утомил высокого гостя, вызывал какую-то брезгливость, но словно не видел этого – угодливо щерился, суеился.

Начальник охраны капитан Рысько имел оттопыренные уши и невозмутимую физиономию, словно ни разу в жизни не получал по морде. Но докладывал грамотно. Где расположены посты, с какой периодичностью бойцы заступают на дежурство, сколько нужно времени, чтобы поднять караул в ружье.

В караулке было относительно прибрано, лишь колода карт, спрятанная под покрывало, наводила на размышления. Все ли тут в порядке с соблюдением устава?

Козырнул начальник караула лейтенант Бобрик. Хорошо, что хоть поднялся со своего продавленного топчана.

Надзирателей было трое, все прапорщики. Они имели богатый опыт общения с заключенными, всю сознательную жизнь работали в местах лишения свободы. Псаренко, Лемех, Гайдученко. Эти типы тоже не вызвали приятных эмоций. Всем за сорок, набыченные, узколобые, без крохи интеллекта. Чувствовалось, что природа на этих парнях не просто отдыхала, а блаженствовала от безделья. Понятно, что с такими кадрами арестантам будет ой как несладко.

У Вишневого возникло острое желание поскорее отсюда уехать, уволиться из СБУ, распаковать кубышку и купить островок в Тихом океане. Он по каменной лестнице спустился в подвал. Войт дышал в ухо и услужливо светил фонарем, чтобы гость не споткнулся.

Подземелье выглядело гнетуще. Где-то за стенкой урчал дизель-генератор. Здесь было душно, сырость царилла как на болоте, не хватало света.

Полковник медленно шел по коридору, убрав руки за спину. Он старался двигаться по центру, держаться подальше от камер, остановился у одной, посмотрел на узника.

Тот медленно поднялся. Пожилой подавленный мужчина, пустые глаза. На серой коже цвели царапины, под глазами красовались черные круги, как у панды. Кожа опухла, глаза провалились в углубления черепной коробки.

«Почки у него нездоровые», – на глазок определил Вишневский.

– Не отдохнула наша спящая красавица, – заявил Войт и заискивающе хихикнул.

Вишневский раздраженно стрельнул на него глазами. Куда лезет? Воспитание, оно как эрекция: сразу видно, если есть.

– Доброе утро, Анатолий Петрович, – вежливо поздоровался Вишневский, с любопытством разглядывая бывшего депутата Верховной Рады.

Он ведь был когда-то заносчивый, вальяжный, корчил из себя самого компетентного и всю дорогу копал под СБУ, словно заранее знал, что именно эта контора забьет последний гвоздь в крышку его гроба.

– Как вы себя чувствуете?

– Есть ощущение, будто я в гостях. Не вижу в этом утре ничего доброго, милейший, – пробормотал Горчак. – Вы из СБУ?

– Верная догадка, – сказал Борис Евгеньевич. – Не буду скрывать, Анатолий Петрович, я полковник СБУ Вишневский Борис Евгеньевич. Мы с вами пару раз встречались по поводу реорганизации нашего ведомства. Вы были не очень приветливы. У вас тогда был личный кабинет, в котором висел портрет президента-тирана, свергнутого восставшим народом, и слишком много амбиций для одного человека.

– Я и сейчас не очень приветлив, – огрызнулся мужчина. – Что я здесь делаю, господин полковник?

– Как что? – удивился Вишневский. – Вы здесь сидите, господин депутат, – не удержался сотрудник СБУ от издевки. – Арестованы. Как имущество Российской Федерации. Намерены жаловаться? Кстати, если помните, вас еще год назад лишили депутатского иммунитета.

– Можно подумать, его наличие остановило бы вас, – пробормотал Горчак. – И что вы собираетесь со мной делать? Засунуть в мусорный бак? Я там уже был. Предать суду? Не смешно. Кто мне даст дожить до него? Вы же первый и не позволите. Вы, кстати, обязаны знать, что как бы я ни относился к вашей хунте, но всегда ратовал за соблюдение минских договоренностей.

– Неужели? – пробормотал как бы сам себе капитан Бунич. – Вообще-то за соблюдение минских договоренностей ратует только президент Белоруссии.

– Не будем забегать вперед, Анатолий Петрович, – вкрадчиво проговорил полковник.

Шутка помощника ему понравилась. Пресловутые минские договоренности, которые изначально никто не собирался выполнять, – поистине неисчерпаемое поле для приколов.

Вчера его рассмешил анекдот, тихонько рассказанный в бане Буничем.

Встречаются президент Украины и премьер Великобритании.

– Дэвид, как вам удастся удержать Шотландию?

– Очень просто, Петр. Мы ее не бомбим!

Расскажи полковнику эту хохму кто-нибудь другой – схватил бы за шиворот и потащил в кутузку. А Буничу все прощалось. Впрочем, дураками они оба не были, прекрасно понимали, что в действительности происходит на востоке Украины.

– Что ж, удачи вам, полковник. – Депутат презрительно улыбнулся. – Надеюсь, вас пристрелят раньше, чем вы успеете наполнить эту тюрьму людьми, которые искренне верят в нормальное будущее своей страны.

– Вот сука! – заявил Войт и сплюнул. – Убивать надо этих вредителей полей и огородов. Пан полковник, вам не кажется, что этот подонок слишком дерзок?

– Помолчите, майор! – Вишневский нахмурился. – Вам никто не давал слова. Постарайтесь избегать инициатив. Вы поняли? – Он резко повернулся к начальнику тюрьмы. – В этих стенах все должно происходить только с моего ведома и одобрения. Это понятно?

– Так точно, пан полковник. – Войт немного побледнел и со злобой покосился на депутата.

А Вишневский задумчиво разглядывал узника. Тот факт, что СБУ прибрала к рукам этого ренегата, да еще на территории, оккупированной противником, безусловно, удача. Член так называемого Комитета спасения Украины, активный противник действующей власти, еще до изгнания из Киева всячески ее поносил и вставлял палки в колеса. Арестовать не успели – сбежал, гаденыш. Но теперь все вернется на круги своя.

Жаль только, что в глазах депутата не было раскаяния и особого страха. Обреченность, печаль, подавленность, разочарование – полный набор, но только не страх. Ничего, он еще появится.

– Приватно будем с ним беседовать, Борис Евгеньевич? – шепнул Бунич.

– Будем, – подтвердил Вишневский. – Но не сегодня. До обеда в Байдак должны вернуться. Забыл про Жереха?

Он резко повернулся и уставился на «постояльца» камеры напротив.

Спину полковника давно уже напрягал его насмешливый взгляд. Еще один идейный недоброжелатель молодой развивающейся демократии. Противник непримиримый, настроен пророссийски, заслуживает только пули. Скандальный журналист Згурский. Сволочь с активной жизненной позицией.

– Мое почтение, Алексей Денисович, – сказал Вишневский. – Все ли в порядке, жалобы есть? Мясо дают?

– Да, Борис Евгеньевич, кушаем, поправляемся, – без выражения отозвался заключенный.

Он тоже выглядел неважно. Волосы спутались, кожа проваливалась во впадины челюстных костей.

– Спать только неудобно, словно горошину под перину подложили. – Журналист язвительно усмехнулся.

– Слушай, ты, маленькая принцесса!.. – злобно начал Войт, но осекся, со страхом бросил взгляд на полковника.

– Рад, что вы сохранили чувство юмора, Алексей Денисович, – похвалил Вишневский. – Теперь вы не будете столь категоричны в своем мнении о том, что СБУ не умеет работать?

– Вы как ребенок, Борис Евгеньевич, – сказал журналист и вяло улыбнулся. – Так и ждете, что вас похвалят. Но если уж на то пошло, меня схватило не СБУ. Это были военные, прорвавшиеся между зазевавшимися постами ополчения. А у меня, знаете ли, кроме видеокамеры, нет другого оружия, сопротивляться нечем. Кстати, от этих парней несло сивухой как от протухшего винного погреба. На шару шли. Повезло. Можно вопрос, господин полковник? Нас долго собираются здесь держать? Нет, я не к тому, что скоро выпустят, извинятся, все такое. Просто это помещение абсолютно не приспособлено для содержания людей. Здесь постоянно холодно и сыро. Одежда протухшие и зараженные какой-то гадостью. Через день-другой у нас начнет гноиться кожа. Потом эта беда перейдет на господ контролеров. – При этих словах помянутые персоны набычились и стали переглядываться. – С них – на караул, с него – на всех приезжих. Возможно, я не прав, но эта дыра, в которой вы собираетесь нас держать...

– Я понял. Помолчите, Алексей Денисович. – Полковник повернулся к Войту, у которого самопроизвольно отвисла челюсть и отказывалась вернуться обратно. – Кстати, он прав, майор. Именно об этом я и хотел с вами поговорить. Помещение надо просушить, создать заключенным сносные условия. Привезите промышленные калориферы. О дополнительных поставках бензина для генератора я распоряжусь. Заменить одеяла, матрасы. Все продезинфицировать. Чтобы не было ни вшей, ни блох, ни клопов. Заключенные не должны ни мерзнуть, ни страдать от духоты. Не забываем, что скоро осень, а за ней зима...

– Звучит не очень ободряюще, – вставил Згурский.

– Такое ощущение, Алексей Денисович, что вы принимаете участие в нашей беседе, – хмуро проговорил полковник.

– Конечно, – подтвердил журналист. – Я же заинтересованная сторона. Все должно соответствовать европейским гуманитарным нормам. Вы обязаны придерживаться фундаментальных общечеловеческих ценностей. Кстати, согласно тем правилам обращения с заключенными, которые Организация Объединенных Наций считает приемлемыми...

Терпение полковника кончилось. Он выразительно глянул на ближайшего контролера. Кажется, фамилия его была Псаренко.

Цепному псу иного и не требовалось! Загорелись глаза, сверкнула дубинка, которую он выхватил как шашку. Это был поистине виртуоз своего дела! Интервал между двумя ударами составил меньше секунды.

Пронзительная боль ошпарила пальцы, которыми журналист сжимал решетку. Он отшатнулся, но дубинка просунулась между прутьями и достала его. Удар пришелся в ребро. Арестант вскрикнул от боли, в глазах у него потемнело. Он попятился, рухнул на нары, сжал кулаки и зубы. Так легче было терпеть боль.

Контролер Псаренко злорадно оскалится.

Полковник удовлетворенно кивнул и заявил:

– Запомните, господа надзиратели, без необходимости физическую силу не применять! Никаких издевательств над заключенными. Наказывать только в воспитательных целях и при

этом дозировать силу. Они нужны мне живыми и здоровыми. Все провинившиеся будут уволены и отданы под суд за превышение полномочий.

Вишневский развернулся и зашагал дальше, заглядывая в камеры. Он добрался до конца прохода и удостоверился в том, что остальные боксы пусты. Это немного обескуражило его. Полковник нахмурился, уставился пылающим взглядом на кучку людей, застывшую посреди прохода.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.